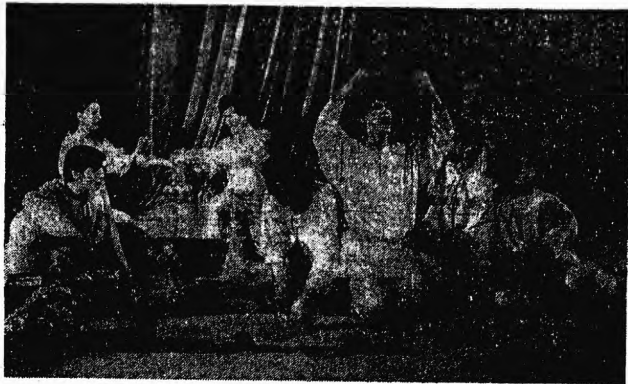

К Л А С С

или Разговоры в стенах ТЮЗа

Смех, — С. Т. 1943, 27 мая, — С. 8.

цать четыре выпускника курса Андреева должны остаться в ТЮЗе. Но этот путь — актерский — куда протяженнее, чем несколько троллейбусных остановок от нынешней Моховой до бывшего Семеновского плаца. Пескельтоша — «Пришло-прикатило Рождество Христово», «Танц-класс», «Сказка о паре Салтане» — уже сделано. Плюс многочисленные входы во «взрослые» спектакли. И еще...

Андрей Андреев: Еще не все получилось. У нас есть «Еврейская», «Слуга двух господ», но они сделаны для малой сцены. Наполеону готовы «Идти проставно во ржи», «Роман и Диалект», «Уинкенинг и оскорбленные», есть и другие планы. У меня вообще больше надежды на ребят. И для театра они нужны все, без исключения. Они должны пополнить тот разрыв поколений, который в ТЮЗе образовался. Ведь, кроме студентов, только двое артистов в театре меньше тридцати лет. А молодой критик, западающийся вал, хотел бы видеть на сцене также молодых людей.

— Андрей Андреевич, получается, что идеальная формула вашего театра — Театр Юных артистов и молодых людей. Но молодые взрослые, и, следовательно, необходимо постоянно обновлять труппу. Получается, что ТЮЗ для актеров — только временное пристанище?

— Для большинства — да. Это, конечно, драма каждого отдельного артиста, но ТЮЗ — театр особый, здесь иначе нельзя. Хотя, скорее, это драма для них. Здесь они играют большой репертуар, нарабатывают опыт и становятся желанными для других. А вот для

театра ситуация достаточно драматична — ведь почти всегда уходит сильнейший.

Я СИЖУ на «Сказке о паре Салтане» и оглядываюсь на лида актеров. Борис Иаушкин — худой высокий Салтан, несмотря на свой рост похожий на ребенка; Ольга Карленко — колоритная Вабариха, каждый своим появлением вызывающая в зале оживление; Анна Шерякова и Татьяна Макалова — Повариха с Ткачихой, пластичные, голосистые, энергичные; Царевна-Лебедь — Василина Стрельникова, уже явная прима молодой труппы; подвизный Андрей Носков с огромной желтой кудрей — Белочка (становит, как черт, — плескал о нем в шуттартской газете). Кто из них и куда уйдет через некоторое время, а кто останется? И как они саму относятся к будущему?

Андрей Андреев: Антарная профессия жесткая. Мы, я думаю, на привыкли к местности жизни, а надо привыкнуть к работе. Об этом створю с первого курса: «Вам трудно понять, что если до тридцати лет вы не станете мастерами, то нужно бросить профессию». Но надо уловить на это, то на режиссера в том числе. Мне кажется, ребята настроены на самостоятельность. Либо они нарабатывают мастерство за молодые годы и будут иметь цену, либо нет. А если хочешь иметь цену — выходишь...

И последние два года они заняты так, что просто не укладывается в голову. Двадцать четыре студента на пятнадцать шести актеров труппы. Почти

половина... Это означает, что сжидая занятость в репертуаре, куда массовик, дневные репетиции... Ну а на учебно, пдимо, — то, что остается. А остается ли?

— Наверное, в таной загруженности есть и свои положительные стороны, осторожно говорю, обращаюсь к студентам-актерам.

— Нет, мне кажется, это плохо. Один человек не может играть двадцать пять спектаклей в месяц, причем, двадцать три из них — массовые. Это беда! — отвечает один.

— Но куда денешься! — подхватывает другой.

И бы и чертовой матери спектакли этот репертуар. Не было десяти-пятнадцати спектаклей, а все остальное время отплатить репетициями. Чтобы выходящий больше премьер, — добавляет третий.

— Но в массовые кому-то надо выходить? Конечно, но здесь такой являлся этой массовости. (Пауза) при этом излетать быть профессиональным режиссером?

— То, что вы сутнями находите в театре и занятии театром, — как это относится на самих режиссерах? Где брать итерные впечатления, на которых потом делается роль?

— Ничего. И не берется.

— А как же без этого?

— А вот и плохо, остается только быть воображением — по началу.

— Нет, нам нравится приходить сюда с утра и уходить поздно вечером, даже ночью. Это же наша работа! Но должна не быть, еще как-то ра-зумность в этой работе — нужно ли это? И можно ли все оборудовать так, что это будет полезно и для режиссера, и для актеров, и для теат-

— А зависть не возникает, что другие выпускники играют Туганыхов и братьев Нарамовых, а у нас и театр детский, и спектакли такие особые, коллонтные?

— Что касается дипломных спектаклей, то зависти не возникает (общий смех). Может вызвать зависть то, что в других театрах выпускается премьера за премьерой или просто появляются интересные спектакли. Хочется быть не только индивидуальностью, но и работать в хорошем театре. Куда толкает не только о тебе — это мальчик интересный, — но и о театре — у нас там работает такая интересная люди!

Да, с премьерами в этом сезоне у ТЮЗа неважно. Единственная — «Сказка о паре Салтане» — сделана самими студентами под руководством педагога и режиссера Юрия Васильева и уже позднее переиссена на большую туюзовскую сцену. Причем нельзя сказать, что этот перенос пошел спектаклю на пользу. Кстати, за рубежом показывался именно первоначальный, камерный вариант, без сценарного и особых театральныи эффектов — только четырнадцать юношей и девушек на голеной сценической площадке. Он-то и пользовался успехом. Следовательно, в самом театре не появилось фактически ли одного нового спектакля, что означает отсутствие у большей части труппы новых ролей. И, несмотря на, вероятно, существующие объективные сложности, подобная ситуация восторга у меня лично не вызывает. Тем

более, когда еще раз начинаешь думать о том, что все это может повториться через несколько лет и без ролей будут сидеть уже эти полные надежды ребята. Может, тогда и они окажутся в тени следующего юного и полного сил нового поколения...

Я — Андреев: А вы сами для себя не видите драматичную ситуацию в том, что с нашими новыми поколениями актеров нужно и себя обновлять? И как это сделать?

— Я думаю, что же нужно. (Пауза). Я сейчас уже должен думать о том, как и ребятам присоединить молодых режиссеров. И сам принадлежу к новому-то сценическому поколению, и мне, конечно, хочется говорить и о себе, и о своих ровесниках. Хотя я сам до очень позднего времени из того, что я не считал в восемнадцать, а не понимал и в сорок пять. И все равно я хотел бы сделать их с собой режиссерами. Может быть такими образцы и должны воспитать своих, в творческом смысле, убийц, но это ТЮЗ, это театр...

Во втором акте «Сказки о паре Салтане» в руках молодых актеров оказываются крошечный хрустальный дворец и такой же издевательский корабль из стекла. Они блещут, мерцают, сверкают в лучах театрального прожектора. Дворец — символ дома и государства, корабль — знак поисков в пути...

Александр ПЛАТУНОВ

Фото Алексея ДАНИЧЕВА

В ПРОШЛОМ году вокруг ТЮЗа и внутри него кипела жизнь. Отношения выяснялись не только в батальных сценках, но и в батальных сценках. Но время лечит и успокаивает. Навсегда ли — предугадать невозможно. И все же попытаемся взглянуть в туюзовское будущее, которое представляло сегодня новым пополнением труппы — выпускниками Театрального института на Моховой. Не так давно они вернулись из трехнедельной поездки в Европу. Студенты курса Андрея Андреева, художники ТЮЗа, показывали психическую «Сказку о паре Салтане» в Германии и Швейцарии (примечание в Германии они уже были не в первый раз). «Публика была не себя», — писали год назад «Штутгартер тайтунг», рецензент которой назвал свое ощущение от спек-

такля «исключительно чувственным наслаждением». И на этот раз успех повторился. «Потрясающе! Невероятно!» — так говорят те, кто уже видел эту труппу, — отзывались о гастролях одна из шюрских газет. Сами ребята рассказывают о том, что почти все десять представлений в Штутгарте прошли в переполненном зале (зая, правда, европейский театральные масштабы, на подмостках мест). И к произведенному фурури сами участники поездки относятся вполне спокойно.

Борис Иаушкин: Там своеобразная публика — она смеется над теми вещами, которые здесь смеха не вызывают. Они вообще хотят больше смеяться, больше радоваться — приходить получать удовольствие. Хотя были и те, кто плакал. Ольга Попов: Они все понимают, что предрепу, даме сам сюжет. В их восприятии царь Салтан

ослаблен поиском наследия, потому что он боится оставить государство без преемника. Там писали, что за всем этим чувствуется русский дух.

— А каковы ваши ощущения от заграничной?

Дмитрий Лигачев: Там какой-то разрыв во всем. Заходя в любой дом, видишь — каждая квартира формируется как собственный музей, и каждая своя коллекция — живые баночки, спичечные коробки, игрушки, старинные аптечные мензурки... Правда, эта разность добирает уже через две недели. Видно, в каждом из нас сидит варвар, и иногда хочется все разломать.

— А здесь же хочется?

— Здесь и там все уже разломано. Здесь приходится собирать.

Для молодых туюзовцев действительно наступило время собирать. Идя собираться. В путь, который, на первый взгляд, недалеко, — все двад-